
С этих пор, как стал переводим
Птичий крик на человеческий крик,
С этих пор, как задаётся ритм
Крыльями формата А1,

Ясно, что умение летать —
Это отчужденье от земли
Прежних улиц и знакомых лиц,
Комнат, где когда-то обитал.

Совершить прыжок по счёту три
В пустоту снаружи и внутри
Проще, чем об этом говорить,
Проще в принципе, чем говорить.

Не приезжайте, Петергофа нет.
А остального не было и раньше:
Проспект Культуры, Северный проспект,
Ещё один к проспекту Просвещения —
Всё это так темно и несущественно,
Что карту можно в чёрный перекрасить.

Вы думали про дачу Бенуа,
Собака дремлет на полу дощатом.
Не приезжайте — это не у нас.
Потерян даже берег и залив,
И корабли куда-то разбрелись.
Вам некуда, по правде, возвращаться.

Прислушайтесь, билеты надо сдать,
Нет электричек с их тоскливым звуком,
Не возвращайтесь, здесь одна вода,
Всё доверху полно идиотизмом,
Я плавал от карниза до карниза,
Которые, пожалуй, существуют.

Его настолько абсолютно нет
Что не с кем обсудить его утрату,
Что расставанье с ним далось сложнее,
Чем обернулось расставанье с Вами.
И нереальность жизни накрывает.
Волною за волной неоднократно.

Император глядит на море,
Он теперь человек за бортом.
Смотрит с нежностью или болью,
И море смотрит.

Море, сушу и мир вокруг,
Всё хотели забрать когда-то,
Всё имущество императора,
И пусть берут.

Пусть оставят клочок земли,
Уместившийся под ногами.
Остальное оставит память,
Постоянная, как прилив.

Из того, что он видел прежде,
Вот решили его исторгнуть,
Из просторов и из истории,
А он безбрежен.

Император абстракция,
Он фантом, не плотнее воздуха,
Всё его или им же создано,
Всё, что понравится.

Нет имперских замашек,
Тёплый воздух над тополями,
Император не с нами,
Ему не страшно.

Длинноногий койот мне шепчет:
Не пытайся вернуть ушедших,
Отлежись в густом чапарале,
Отдышись и иди далее.
Никакого тебе эффекта,
Спроси у того Орфея,
Спускаешься вслед за ними,
Потом, жарю палимый,
Валяешься у прибора
С той же телесной болью.
Строку, подобно мозоли,
Сдирай, исходи слезою,
Но не ходи к ушедшим.
Так сказал мой друг белошерстый,
Так сказал мне на ухо тихо,
И меня чуть-чуть попустило.

Видишь на последнем отрезке суши:
Водоёмы напоминают Стикс,
От воды болят нестерпимо уши,
Но вокруг настолько прекрасный вид,
Что и это можно перенести,
Только дальше от берега отплыви.
Есть в среде поэтов одна легенда:
Если поперёк пересечь пролив,
Что и должен сделать однажды гений,
Станет сильным каждый случайный стих,
Крепче стали будет бумажный лист,
Вот они и прыгают прямо в Стикс.
Водоёмы славятся их пловцами.
Будто тонким шпилем Адмиралтейства,
В небо устремляется клювом цапля,
На берегу копают коренья вепри,
И в воде, как будто в своём контексте,
Так легко поэты опять плывут,
Катерина падает в Волгу,
В Неву, в Днепр,
В Ольгин
пруд.

Я шёл по парку, мимо полз тритон,
И наши траектории скрестились.
Как будто под воздействием инстинкта,
Я посадил его в карман пальто.

Был бесконечен, безответен, пуст
Небесный водоём над краем кровли,
Я ощущал любовь к холоднокровным,
Захлёбываясь от наплыва чувств.

И я себе присваивал родство,
Присваивая право на владенье,
Не зная, что краду на самом деле
Набор присущих земноводным свойств,

Что буду думать, глядя, как вода
Скользит по перепонкам между пальцев:
«Смотри, как я умею обновляться,
Отец мой солнце, посмотри сюда».

Или не так: изнанку рукава,
Приму за отслоившуюся кожу,
И буду ждать момент, чтоб осторожно,
Поддеть её и вовсе оторвать.